

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 394

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-303-313

«Мертвецы есть?»: язык травмы в нарративах о дороге в Сибирь

Эльза-Баир Мацаковна Гучинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-9901-0131. E-mail: bairjan@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Гучинова Э.-Б. М., 2021

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена нарративам о дороге в Сибирь в декабре 1943 г. и языку травмы, который отражается в этих нарративах. *Цели и задачи.* Автор рассматривает тяжелую дорогу в Сибирь в терминах лиминальных практик обряда перехода как дорогу, меняющую статус путников, а также показывает концепцию языка травмы на примерах нарративов о дороге в Сибирь. *Методологическим* руководством стали работы А. ван Геннепа, В. Тэрнера и Т. Цивьян, а также концепт языка травмы, представленный в монографии автора «Рисовать лагерь». В качестве источников использованы полевые материалы автора, собранные в проекте «У каждого своя Сибирь», частично опубликованные, а также рассказы о Сибири в сборниках воспоминаний о депортации калмыков. *Результаты и выводы.* По мере продвижения на восток выселенные люди переставали ощущать себя полноправными гражданами СССР и приезжали на пункты назначения спецпереселенцами, этому способствовали нечеловеческие условия переезда. Именно поэтому рассказы о дороге в Сибирь остались в коллективной памяти как самое жестокое испытание. Об этом говорит язык травмы, который проявляется травматическим воспоминанием через свои приемы, сюжеты, лексику.

Ключевые слова: депортация, калмыки, репрессии, сталинизм, дорога, язык травмы, спецпереселенцы, Сибирь

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Гучинова Э.-Б. М. «Мертвецы есть?»: язык травмы в нарративах о дороге в Сибирь // Монголоведение. 2021. № 2. С. 303–313. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-303-313

‘Are There Any Corpses?’: The Language of Trauma in Narratives about Way to Siberia

Elza-Bair M. Guchinova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
 Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
 0000-0002-9901-0131. E-mail: bairjan@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Guchinova E.-B. M., 2021

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the Kalmyk narratives of their travel to Siberia, with a focus on the language of trauma characteristic of the narratives. *Aim:* The article indicates that their difficult road to Siberia was close to liminal crossing practices, resulting in a change in the status of travelers. *Methods.* In terms of methodological guidance, the article draws on the works of A. van Gennepe, V. Turner, and T. Tsivyann. Of relevance was also the concept of the language of trauma discussed in the monograph “To Draw a Camp” (Guchinova, 2016). The research sources are the author’s field materials collected for the project “Everyone Has Their Own Siberia” (some of them published) and the stories about Siberia from a collection of memoirs on Kalmyk deportation. *Results.* It was on their way to Siberia in the cattle wagons that the people, deprived of even primitive comfort and convenience and stripped of their rights, realized a change of their status: they were no longer citizens but *special resettlers*. The stories about the road to Siberia remain in the collective memory of the Kalmyks as their worst experience during the years of repression (1943–1956). Hence, of special significance is the language of trauma with its plotlines, and vocabulary that renders the people’s memory.

Keywords: Deportation, Kalmyks, repressions, Stalinism, trauma language, *special resettlers*, Siberia

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project ‘Sociopolitical and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Guchinova E.-B. M. ‘Are There Any Corpses?’: The Language of Trauma in Narratives about Way to Siberia. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021; 13(2): 303–313. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-303-313

Введение

28 декабря 1943 г., согласно подписанному накануне указу Верховного Совета СССР, весь калмыцкий народ (около 100 тыс. в республике) был выслан. Эта тотальная ссылка была одной из депортаций военного времени. До этого также «всех поголовно» выселяли карачаевцев (ноябрь 1943 г.), а позже — чеченцев и ингушей (февраль 1944 г.), балкарцев (март 1944 г.), крымских татар (май 1944 г.). Это была вторая волна массовых переселений на основании этнической принадлежности после превентивных депортаций российских немцев (1941 г.), ингерманландцев (1933–1935 гг.) и других этнических групп, проживавших в приграничных территориях страны.

Хотя информация об этих массовых переселениях широко не распространялась, для того чтобы каждую операцию провести успешно, нужно было подготовить солдат и офицеров, прямых исполнителей этих акций. Кроме клеветнической информации о выселяемых народах, переноса вины за преступления определенных лиц на всю этническую группу, активно использовались приемы дегуманизации того народа, который было запланировано выселить.

Это хорошо видно в отчетной документации силовых структур, которые опубликованы в сборнике документов «Ссылка калмыков: как это было» [Ссылка калмыков 1993]. Операция «Улусы» была представлена комиссаром госбезопасности М. И. Маркеевым как «операция по изъятию и выселению лиц калмыцкой национальности» [Ссылка калмыков 1993: 42].

Дегуманизация как часть политики по отношению к репрессированным отразилась и в языке документов, тех терминах, которые уменьшают человеческое содержание применительно к депортируемым, таким, как сначала, «контингент» [Ссылка калмыков 1993: 67], «спецконтингент», а затем и «живой спецгруз» [Ссылка калмыков 1993: 109], «товар на погрузку» или в предложении «отгрузка произведена в соответствии с планом» [Ссылка калмыков 1993: 105, 106], которые использовались в отчетах офицеров МВД и НКВД.

Граждане СССР, хотя и репрессированные, уже были обозначены как неодушевленные предметы: товар, спецгруз. С таким языком власти было легче осуществлять операцию «Улусы», на этом языке было легче объяснять участникам операции их задачи и требовать их жесткого неукоснительного выполнения — доставки «живого спецгруза» в восточные районы страны.

Дорога в Сибирь осталась в коллективной памяти калмыков как одно из самых тяжелых испытаний народа в XX в. Неожиданность выселения, несправедливость обвинения, «лишение дома как точки опоры и центра микрокосмоса» [Цивьян 2003: 129], утрата всего имущества, с таким трудом нажитого, неопределенность будущего — люди садились в вагоны в состоянии шока. Там, в вагонах для скота, которые должны были быть оборудованы под «людские перевозки» [Ссылка калмыков 1993: 93], становилось еще тоскливее от холода, от того, что не было еды, от беспокойства за судьбы родственников.

Цель данной публикации — установить средства выражения языка травмы, проявляющиеся, когда калмыки рассказывали о своем личном опыте депортации в Сибирь, а конкретно — на примере сюжета дороги как одного из важных в повествовании о выселении.

Известно, что каждый рассказ — это конструкция, в которой рассказчик отбором слов и сюжетов выстраивает повествование «в зависимости от социальных рамок памяти» [Halbwachs 1992: 38–39].

Язык травмы, который выходит на первый план при описании дороги в Сибирь, отражает тему выживания в железнодорожных вагонах зимой 1943–1944 гг. и памяти о ней как дороге неволи и испытаний, которые были не всем под силу. «Язык травмы — это наиболее травматические темы и сюжеты; приемы, которыми травма говорит о себе: понижение статуса, обнажение, деперсонализация; образы, проявляющие травму: унижения, смерть, инвалидность, нечистоты» [Гучинова 2016: 19].

Хотя язык травмы в целом универсален, он специфичен для каждого конкретного случая. В случае с нарративами о депортации калмыков — это язык травмы о дороге, меняющей статус путников. По мере продвижения на восток люди переставали ощущать себя в привычных статусах и приезжали на пункты назначения уже спецпереселенцами.

В статье использованы полевые материалы автора, собранные в 2004–2018 гг. в Калмыкии, опубликованные интервью проекта «У каждого своя Сибирь», а также сборник воспоминаний «Мы — из высланных навечно».

Практически все воспоминания о дороге в Сибирь в некоторой степени напоминали описание классического *rite de passage* — обрядов перехода, цель которых — «выход из прежнего мира и вступление в новый» [Ван Геннеп 1999: 17].

Лиминальному состоянию испытуемых соответствовали статус «народа в эшелонах» — «в промежутке между положениями, предписанными и распределенными законом, обычаем, условностями и церемониалом» [Тэрнер 1993: 169], и основные признаки депортационного пути: постоянный мрак вагона, куда свет проникал через единственное небольшое окошко, «холод, голод, теснота и закрытость вагонного пространства в сочетании с бесконечностью пространства вне состава» [Цивьян 2003: 132].

Жизнь в темном тесном пространстве, грязь, голод и жажда, необходимость публично испражняться в том же пространстве, в котором едят и спят, невозможность умыться, — это и есть лиминальные условия, описанные А. ван Геннепом, которые из символических становятся реальными. Для реальных людей в этих вагонах были нарушены все базовые нормы жизни не только калмыков, а любого человеческого сообщества. Более того, во многих вагонах живые люди ехали вместе с мертвыми родственниками, которых они не хотели просто выбрасывать в снег, — в надежде, что по прибытии будет возможность достойно предать земле тела родных.

Дорога как путь неволи

Почему самым тяжелым испытанием в народной памяти остался путь в Сибирь? Изгнание из дома тоже было психологически тяжелым испытанием, но оно длилось недолго: от 15 минут до двух часов, и люди не успевали в полной мере осознать происходившее. А дорога в две–три недели дала время почувствовать катастрофу, обострила тяготы и опасности экстремальной ситуации. На бортовых машинах калмыков собирали по домам, и многие запомнили, что машины были «какие-то необычные, большие, крытые» [Бембеев 2003: 198] — американские, маркируя их «чужими», иностранными именами. Пожилые люди, никогда не водившие автомобили, запомнили их марку — «студебекеры». Именно эти машины отвозили ожидавших на пунктах сбора к ближайшей железнодорожной станции — в Сальск, Дивное, Котельниково, Куберле, Абганерово, Зензели, на станцию Улан-Хол (8-й разъезд), Астрахань. Как раз в 1941–1942 гг. калмыки строили участок стратегической железной дороги Астрахань–Кизляр, и этой дорогой некоторых повезли в Сибирь.

В эти «товарняки-вагоны», как они запомнились, сажали по сорок человек, что отражено и в народных песнях. Но случалось, что в вагон вмещали и больше людей, на один вагон была одна печка-буржуйка, которая грела плохо, вагон не прогревался из-за щелей в стенах и полу, но на ней можно было приготовить какую-то еду. Как вспоминала Б. О. Сарангова, многие люди не имели с собой посуды «даже чтобы растопить снег. На одной из станций удалось раздобыть несколько банок из-под консервов. Они долго служили нашей семье и чашкой, и кружкой, и кастрюлей» [Сарангова 2003: 163].

Многие интервью выявляют **нехватку** как характерное качество травматической памяти: не было тепла, не было еды, не было воды, не было посуды.

В каждом вагоне солдат всю дорогу ехал. Топилась буржуйка, но все равно было очень холодно. Воды не было. Когда останавливались, кипяток приносили. Но кто будет кипяток пить, глотнешь раз и все. Самим варить было не в чем. Мы мясо на огне поджаривали и ели. Потом туда дальше стали чуть-чуть кормить на станциях. Никто практически не разговаривал. Я думаю, все были **в шоке**. Даже дети. Сидим и молчим. Все были **напуганные**. Солдат стоит. Я **мертвых** не видел. **Кто болел, не поймешь. Все лежали**. Были совсем маленькие дети, кёк кёгдг (грудные). В вагоне ехало много людей. Мы семьей в один угол **забились**, так и доехали [Гучинова 2020: 98].

Калмыцкие мужчины были на фронте, с женщинами и детьми ехали старики, подростки и демобилизованные по здоровью фронтовики-инвалиды.

Боевые награды и трудовые заслуги демобилизованных по здоровью фронтовиков перестали быть социальным капиталом в экстремальных условиях. Несправедливое обвинение особенно задевало бывших фронтовиков, которые были озадачены и обескуражены таким решением властей.

Нас везли из Сальска через Ростов. Наш председатель колхоза «Пролетарская победа» Виктор Васильков [калмык], я хорошо помню, у него была молодая жена Дуся и грудной мальчик. Этот колхоз был миллионер. В [19]43 г. этот колхоз на проданный виноград купил самолет для фронта. У Василькова была медаль¹ Отечественной войны 1-й степени. И с этой медалью на груди он ехал. Он был раненый фронтовик, лет 35 [Гучинова 2019: 412].

Именно молодые женщины и подростки, знающие русский язык, обеспечивали вагоны водой, дровами, бегали за хлебом. По многим воспоминаниям нам известно, что в вагонах размещалось по десять–двенадцать семей. Раз в сутки на вагон давали ведро супа и несколько буханок хлеба.

В вагоне мужчин не было, ехали две пожилые женщины, они **умерли** в дороге, и семьи. О чем мы могли думать? Мы думали о настоящей еде, о тепле, и еще каждый задавался вопросом: куда? На какой край света нас везут? Мы получали еду один раз в один–два дня, три человека из каждого вагона бежали в очередь за едой. Пока они эту еду получали, замерзали до самых костей, а баланда застывала и превращалась в лед. На буржуйках подогревали еду и строго следили, чтобы кто-нибудь не отхватил лишнее. В дни, когда еду не выдавали, оголодавшие до безумия люди, в том числе и моя бабушка, выбегали из вагона за снегом, чтобы хоть воду попить. Ехали голодные, холодные **и вшивые, как животные** [Гучинова 2005: 85].

Холод вагона — не просто символ условий вагона для скота. Он во многом был обусловлен отсутствием необходимых навыков. Большинство людей не знали, как разжечь уголь, к тому же мокрый, — они всю жизнь топили кизяком.

Многие впервые увидели железную печку посреди красного товарного вагона. Топить ее надо было дровами, углем. Никто ею пользоваться у нас в вагоне, кроме моего отца, не мог. Он умел разжигать уголь, поэтому и потерь среди нас, в семьях сестер и среди других земляков почти не было. Хотя в пути почти на каждой станции из каждого вагона сгружали **мертвецов** — стариков, детей, взрослых, тех, кто не смог перенести **холод, голод, болезни** [Санджиева 2003: 83].

¹ Видимо, речь идет об ордене. — комм. ред.

Но, кроме дорожных впечатлений, ведь для многих малышей это была первая поездка на поезде, запомнился и холод, забыть который было невозможно.

Ехали мы, ехали. Мороз такой. Я лежал в вагоне головой к стенке. Однажды утром проснулся, не могу голову поднять. Шапка ночью свалилась, волосы примерзли к стене, **голова вся инеем** покрылась. Кое-как волосы отодрал [ПМА: Ч. О. С.].

Уже отмечалось, что «дорога, одна из основных категорий калмыцкой культуры, была символом кочевой мобильности. Дорога была метафорой судьбы и самой жизни» [Гучинова 2005: 93]. Но железная дорога в 1943 г. была дорогой неволи, люди были лишены своих прав, отношение к ним было как к животным. Поведение путников напоминало поведение лиминальных существ, «оно было пассивным, а состояние — униженным» [Тэрнер 1993: 170].

Жестокий путь по железной дороге изменил многие позитивные коннотации кочевника, связанные с мобильностью. Раньше люди сами выбирали время переезда, понимали необходимость кочевки, заранее знали маршрут, готовили одежду и продукты. Впервые переселение такого масштаба было насильственным и безо всякой подготовки. В легкой одежде, многие совсем без продуктов и посуды, с военизированным сопровождением, люди столкнулись с неожиданными проблемами в новой для себя ситуации. Дорога в Сибирь осталась в памяти многих как дорога inferнальных испытаний.

Для многих эта дорога стала **последней**. Многие **обморозили** ноги, руки, и лишь те, кто покрепче, выжили. Раз в сутки давали на всех ведро какой-то баланды. На каждого приходилось по ложке [Утаджиева 2003: 177].

В дороге все **плакали**. Все говорили: куда везут? Ели мы то, что приносили дежурные по вагону. Как остановка, то суп, то — черепаший яичный желток. Кормили ничего. В туалет ходили в дырку в полу. Стыда уже, наверно, не было. Поезд остановится. Кто на остановке выскочит, на двор сходит. Умываться? Кто там умывался? Вшей было очень много. Вот так голову откроешь, так **вши и гниды** [Гучинова 2008: 210].

Ниже будут показаны некоторые травматические сюжеты языка травмы в повествовании о дороге в Сибирь, которые встречаются почти в каждом рассказе.

Сюжет о пробном составе

Первый состав из Астрахани переезжал по только что построенному Астраханскому мосту через Волгу, по которому еще не пускали пробный состав. Обычно пробным бывал состав со строительным мусором, чтобы проверить насколько надежен мост. Но в декабре 1943 г. вместо мусора по мосту отправили состав с калмыками. Этот сюжет об испытании нового моста на прочность составом, где находились живые люди, остался особо травмирующим сюжетом в рассказах калмыков о дороге в Сибирь. Риск для жизни, невозможность спастись в случае, если мост не выдержит тяжести перегруженного эшелона и обрушится, обесценивание жизней сотен людей, отношение к людям как к мусору — все это делало сюжет с проверкой моста особо циничным. Это был один из «травма-пунктов памяти» (С. Ушакин), недаром он зафиксирован в коллективной памяти.

Как вспоминали позже свидетели:

Когда поезд тронулся в путь и стал проходить по мосту через Волгу, все **боялись**, как бы мост не рухнул, так как считали, что **наш поезд — первый, пробный**. Люди бросали монеты, молились [Убушиева 2003: 93].

Вот и мост проехали тот, — заметил Баава, — **испытали** его прочность собственной **жизнью!** [Бембеев 2003: 201].

Сюжет о смерти в дороге

Люди ехали голодными, страдали от отсутствия еды и жажды, от голода, холода, простывали и заболели. На каждой остановке охранники заглядывали в вагоны с вопросом: «Мертвецы есть?». Для трупов выделяли специальный вагон в конце состава, а когда он переполнялся, мертвые тела просто сбрасывали на стоянках. Как видим, сюжет о смерти в вагоне — распространенный в нарративах о дороге в Сибирь.

В вагоне было очень холодно. Пол деревянный. В щели дуло. От этого многие болели. Как только поезд остановится, всё время кричали: **мертвые** есть? Это значит, что поезд стоит дольше... А выносили **мертвых** на одеялах. Когда выносили мимо нас, мама говорила: закрой глаза, отвернись... На верхних нарах у женщины ребенок все время плакал. Старики говорили: от недоедания, покормите его хорошо. Он и сейчас живой, а мать **умерла** сразу [ПМА: Б. Г. Б.].

В вагоне люди **мерли**. Помню, один солдатик и молодая женщина. Они без всего ехали, ни продуктов, ничего. У них одна шинель была на двоих. Все еще возмущались, что они при людях обнимаются, укрываются, потом смотрим: они оба **мертвые**... Проходили солдаты и говорили: выгружайте **мертвых**. Мы их складывали прямо в поле у дороги. Кто их хоронил, не знаю. Потом сигнал — и поехали [ПМА: Ч. О. С.].

Наутро, когда люди едва способны были пошевелиться, выяснялось, что опять кто-то **окоченел** [Бембинов 2003: 124].

Травматическая память фиксирует и воспроизводит самые впечатляющие сюжеты, и среди них такой всегда была смерть близкого человека, особенно если это происходит на его глазах. Как указано в одном из официальных документов «Докладная заместителя наркома внутренних дел СССР Чернышова народному комиссару внутренних дел СССР Л. П. Берия о завершении», в дороге в Сибирь в 46 составах погибло 1 164 чел. [Ссылка калмыков 1993: 123].

Сюжет о нечистотах

В устных историях о депортации калмыков сообщения о телесном, как правило, связаны с отказом от старого опыта. В кризисной ситуации, растянувшейся на 2–3 недели, старые телесные практики, приспособленные для жизни в домах, уже не годились. Нужны были иные практики, которые бы отражали новые социальные условия и статус. Вопросы личной гигиены переставали быть приватными и решались коллективно.

В вагоне прорубили дырку и ходили **в туалет**. Один другого закрывал. Ну что делать, стыда никакого не было. Поезд остановится, все бежали справлять нужду [ПМА: Б. Г. Б.].

Как поезд останавливался, люди успевали выскочить. Бедные женщины на другую сторону состава переходили, там **справляли нужду**. В вагоне была дыра в полу и абсолютная темнота, так что дело несколько упрощалось. Цель была — унижить человеческое достоинство, личность.

Такая орава, полный вагон. Наши бабушки носили нижние белые штаны на шнурках. Бабка выйдет, когда остановка, сядет по большой нужде, еще не закончила, а солдат ее ногой пнет, и она падает в *баасн* (нечистоты) [ПМА: Э. Е. Б.].

Невидимые в культуре экскременты при воспоминании о травматическом событии стали зримыми. Отсутствие гигиенических условий, преодоление стыда были оскорбительным стиранием границ между человеческим и животным существованием, поэтому это отразилось в травматической памяти о дороге в Сибирь.

Образы инвалидности появляются в нарративах о высылке калмыков, потому что инвалиды в те времена были более беспомощными, чем в наши дни: и в правовом, и в физическом смыслах. В соответствии с Конституцией СССР они обладали всеми гражданскими правами, что и люди вокруг, но без сторонней помощи не могли пользоваться многими возможностями, что были естественными для людей.

После указа Верховного совета СССР от 27.12.1943 калмыки формально оставались гражданами страны и даже участвовали в выборах, но, став спецпереселенцами, не могли поступать в большинство вузов и лишались части других основных прав. Этноним «калмык» и его производные исчезли из публичного пространства, как в начале 1950-х гг. исчезли многие инвалиды с улиц страны. Калмыки становились социально ущербными, эти ощущения неполноценности, беспомощности они пронесли в памяти, что проявилось в образах инвалидов, которые часто выступают второстепенными персонажами их повествований.

У нас в совхозе один **инвалид: без ноги** с фронта пришел. Когда нас везли, он нам все говорил: Ня, сяхн менд йовтн! — Ну, счастливого пути. Он думал, что его не забирают. А когда его последним привели, он сказал: «Мендвт, намаг бас авад йовджахм бяясм (Здравствуйте, меня, оказывается, тоже везут). Не думал, что меня тоже заберут» [Гучинова 2008: 209].

Нас было четверо детей и мама с отчимом, который был **инвалид**, у него коленка не гнула [Гучинова 2019: 412].

Лексика заключения, ада, сравнения с животными — типичные составляющие языка травмы. Приведем примеры лексики, описывающей заключение, ад, а также сравнения людей с животными. Эти слова иллюстрируют чувства калмыков, которые ощущали себя как будто в аду, видели, что к ним относятся несправедливо — как к преступникам или как к животным, и это было им трудно перенести.

Дни превратились в ночи — темные, холодные, беспросветные. Я уподобился **сусленку**, которого вырвали из родной норки и кинули в морскую пучину: жить хочешь, выплывай. Нас привезли на железную дорогу, которую мы никогда не видели, и сгрузили. На рельсах грозно шипит «**черный дьявол**» — паровоз, за ним выстроились вагоны. Они, с открытыми настежь дверями, готовы заглотнуть всех и вся, очень напоминали собой **адские ворота**, о которых мы были слышаны с самого детства [Бембеев 2003: 194].

В вагоне творилось ужасное. Люди умирали как мухи. Этот трупный запах преследовал нас всю дорогу [Мацакова 2003: 236].

Язык травмы проявляется в нарративе о травматическом событии спонтанно, поскольку травма выражает себя независимо от интенций рассказчика. В повествовании о депортации калмыков свидетели этого события проговаривают о пережитом языком травмы, в котором свои темы и сюжеты, своя лексика и прагматика.

Заключение

Дорога в сибирскую ссылку стала практически обрядом перехода в другой гражданский статус — репрессированной этнической группы. Хотя лиминальные состояния, известные нам по работам А. ван Геннепа и В. Тэрнера, были направлены на повышение индивидуальных статусов, в данной исторической ситуации мы имеем дело с понижением группового статуса, что усилило травматичность памяти об этом, вызванную экзистенциальными рисками существования всей этнической группы. В краткие сроки было необходимо найти новые решения. Так, устоявшиеся половозрастные роли менялись: в отсутствии мужчин снохи и подростки становились главными лицами в контактах с властью и в хозяйственных делах, брали ответственность за принятие решений и таким образом приобретали высокий статус.

Заслугами, повышающими статус, становились не происхождение, не плодовитость, не особые навыки и таланты, а те способности и знания, которые являлись актуальными в такой ситуации, — быстрые реакции во время стоянки и знание русского языка. Общество с сильными традиционными отношениями, которое только становилось на путь трансформации, быстро перестроилось на иную социальность, в которой было важным понимать новые требования большого, тогда недружественного общества. На кону стояло выживание всей группы, и такой быстрый слом старого социального порядка в товарных вагонах был в основе травматической памяти, на которую уже налагались разные примеры и приемы частных нарративов, формируя коллективную память.

Полевой материал автора

ПМА: Б. Г. Б. — женщина, 1937 г. р., выселена из Яшалтинского р-на в Красноярский край. Запись 2008 г.

ПМА: Ч. О. С. — мужчина, 1936 г. р., выселен из Башанты в Омскую обл. Запись 2008 г.

ПМА: Э. Е. Б. — женщина, 1935 г. р., выселена из Малых Дербет в Алтайский край. Запись 2008 г.

Author's Field Data

Informant 1: B. G. B., female, b. 1937, deported from Yashaltinsky District (Kalmyk ASSR) to Krasnoyarsk Krai. Rec. in 2008. (In Russ. and Kalm.)

Informant 2: Ch. O. S., male, b. 1936, deported from Bashanta (Gorodovikovsk, Kalmyk ASSR) to Omsk Oblast. rec. in 2008. (In Russ. and Kalm.)

Informant 3: E. E. B., female, b. 1935, deported from Malye Derbety (Kalmyk ASSR) to Altai Krai. Rec. in 2008. (In Russ. and Kalm.)

Литература

Бембеев 2003 — Бембеев Т. О. Дни, обращенные в ночь // Мы — из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков 1943–1957 / сост., ред. П. О. Годяев. Элиста: Изд-во КГУ, 2003. С. 194–203.

- Бембинов 2003 — *Бембинов М. И.* Я даже бродяжничал // Мы — из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков 1943–1957 / сост., ред. П. О. Годаев. Элиста: Изд-во КГУ, 2003. С. 124–126.
- Ван Геннеп 1999 — *Геннеп ван А.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Вост. лит., 1999. 198 с.
- Гучинова 2005 — *Гучинова Э.-Б. М.* Помнить нельзя забыть. Антропология депортационной травмы калмыков. Штутгарт: Ibidem, 2005. 283 с.
- Гучинова 2008 — *Гучинова Э.-Б. М.* У каждого своя Сибирь. Жизнь ссыльных калмыков в Средней Азии // Диаспоры. 2008. № 1. С. 194–220.
- Гучинова 2016 — *Гучинова Э.-Б. М.* Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных о лагерях в СССР. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido Univ., 2016. 220 с.
- Гучинова 2019 — *Гучинова Э.-Б. М.* У каждого своя Сибирь. Две истории о депортации калмыков (интервью с С. М. Ивановым и С. Э. Нарановой) // Oriental Studies. 2019. № 3. С. 397–422. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-397-422
- Гучинова 2020 — *Гучинова Э.-Б. М.* Депортация калмыков в Сибирь (1943–1956 гг.): устные рассказы как мягкие формы памяти // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (45). С. 95–100. DOI 10.37386/2413-4481-2020-4-95-100
- Мацакова 2003 — *Мацакова В. Я.* Я нашла в себе силы выстоять // Мы — из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков 1943–1957 / сост., ред. П. О. Годаев. Элиста: Изд-во КГУ, 2003. С. 235–236.
- Мы — из высланных 2003 — Мы — из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков 1943–1957 / сост., ред. П. О. Годаев. Элиста: Изд-во КГУ, 2003. 463 с.
- Санджиева 2003 — *Санджиева А. Н.* Живя в Сибири, мы мечтали о родине // Мы — из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков 1943–1957 / сост., ред. П. О. Годаев. Элиста: Изд-во КГУ, 2003. С. 82–85.
- Сарангова 2003 — *Сарангова Б. О.* Везли в Сибирь по выстроенной нами дороге // Мы — из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков 1943–1957 / сост., ред. П. О. Годаев. Элиста: Изд-во КГУ, 2003. С. 162–163.
- Ссылка калмыков 1993 — Ссылка калмыков: как это было. Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 1 / сост.: П. Д. Бакаев, Н. Ф. Бугай, Л. С. Бурчинова и др.; ред. совет: К. Н. Максимов и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 264 с.
- Убушиева 2003 — *Убушиева С. И.* Мой отец всегда помогал людям // Мы — из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков 1943–1957 / сост., ред. П. О. Годаев. Элиста: Изд-во КГУ, 2003. С. 90–94.
- Утаджиева 2003 — *Утаджиева А. Б.* Нам помогали: кто делом, кто советом // Мы — из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков 1943–1957 / сост., ред. П. О. Годаев. Элиста: Изд-во КГУ, 2003. С. 176–177.
- Тэрнер 1983 — *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. 280 с.
- Цивьян 2003 — *Цивьян Т. В.* Из русского провинциального текста: «текст эвакуации» // Russian Literature. 2003. № 53(2). С. 127–141.
- Halbwachs 1992 — *Halbwachs M.* On Collective memory. Ed., transl., and with Intr. by Lewis A. Coser. Chicago; London: University of Chicago Press. 1992. 254 p.

References

- Bakaev P. D. et al. (comps.), Maksimov K. N. et al. (eds.) Deportation of the Kalmyks: How It Was. Memorial Book of the Kalmyk People's Deportation. Vol. 1. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 264 p. (In Russ.)

- Bembeev T. O. Days that turned into nights. In: Godaev P. O. (comp., ed.) *We Are the Ones Deported Forever: Memoirs of Repressed Kalmyks, 1943–1957*. Elista: Kalmyk State University, 2003. Pp. 194–203. (In Russ.)
- Bembinov M. I. I was even scrounging around. In: Godaev P. O. (comp., ed.) *We Are the Ones Deported Forever: Memoirs of Repressed Kalmyks, 1943–1957*. Elista: Kalmyk State University, 2003. Pp. 124–126. (In Russ.)
- Gennep van A. *The Rites of Passage*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1999. 198 p. (In Russ.)
- Godaev P. O. (comp., ed.) *We Are the Ones Deported Forever: Memoirs of Repressed Kalmyks, 1943–1957*. Elista: Kalmyk State University, 2003. 463 p. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. M. ‘Everyone has one’s own Siberia’: two stories of the Kalmyk Deportation (interviews with S. M. Ivanov and S. E. Naranova). *Oriental Studies* (Elista). 2019. No. 3. Pp. 397–422. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-397–422.
- Guchinova E.-B. M. Everyone has one’s own Siberia: deported Kalmyks in Soviet Central Asia. *Diaspory*. 2008. No. 1. Pp. 194–220. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. M. Never Forget to Remember: Anthropology of the Kalmyks’ Deportation Trauma. Stuttgart: Ibidem, 2005. 283 p. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. M. To Draw a Camp: Language of Trauma in Memoirs of Japanese POWs about the USSR. Sapporo: Hokkaido University Press, 2016. 220 p. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. M. Deportation of the Kalmyks to Siberia (1943—1956): oral stories as soft forms of memory. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2020. No. 4 (45). Pp. 95–100. (In Russ.) DOI 10.37386/2413-4481-2020-4-95-100
- Halbwachs M. On Collective Memory. L. A. Coser (ed., transl. etc.). Chicago; London: University of Chicago Press. 1992. 254 p. (In Eng.)
- Matsakova V. Ya. I pulled myself up to survive. In: Godaev P. O. (comp., ed.) *We Are the Ones Deported Forever: Memoirs of Repressed Kalmyks, 1943–1957*. Elista: Kalmyk State University, 2003. Pp. 235–236. (In Russ.)
- Sandzhieva A. N. When in Siberia we were dreaming of ancestral lands. In: Godaev P. O. (comp., ed.) *We Are the Ones Deported Forever: Memoirs of Repressed Kalmyks, 1943–1957*. Elista: Kalmyk State University, 2003. Pp. 82–85. (In Russ.)
- Sarangova B. O. They were transporting us to Siberia via the railroad constructed by ourselves. In: Godaev P. O. (comp., ed.) *We Are the Ones Deported Forever: Memoirs of Repressed Kalmyks, 1943–1957*. Elista: Kalmyk State University, 2003. Pp. 162–163. (In Russ.)
- Tsivyan T. V. Glimpses of Russian provincial text: ‘text of evacuation’. *Russian Literature*. 2003. No. 53(2). Pp. 127–141. (In Russ.)
- Turner V. *Symbol and Ritual*. Moscow: Nauka, GRVL, 1983. 280 p. (In Russ.)
- Ubushieva S. I. My father was always helping people. In: Godaev P. O. (comp., ed.) *We Are the Ones Deported Forever: Memoirs of Repressed Kalmyks, 1943–1957*. Elista: Kalmyk State University, 2003. Pp. 90–94. (In Russ.)
- Utadzhieva A. B. They helped us: some in word, some in deed. In: Godaev P. O. (comp., ed.) *We Are the Ones Deported Forever: Memoirs of Repressed Kalmyks, 1943–1957*. Elista: Kalmyk State University, 2003. Pp. 176–177. (In Russ.)